

УДК 343:326

Ефремова О. Н., Ростова Н. Н.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация

Выявление социально-психологических детерминант вовлечения молодежи в экстремистские организации отвечает превентивной задаче предупреждать вовлечение и противостоять всевозможной агитации экстремистской деятельности.

Исследование подчинено цели выявить социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации и дать им описание. Объект исследования: молодежь как социально-демографическая группа. Предмет исследования: социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации.

Социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность выявлены в процессе анализа научной литературы в рамках проблемного поля исследования. Результаты исследования представлены рядом выявленных и описанных социально-психологических детерминант вовлечения молодежи в экстремистские организации: обостренное чувство справедливости, справедливость как доминирующая ценность; опыт абьюза (в том числе буллинга); состояние фрустрации наиболее актуальных психологических потребностей; состояние кри-

зиса идентичности; решение вопроса конфессионального самоопределения; слабая субъектная позиция (предпосылка виктимности); суррогатное удовлетворение психологических потребностей как основная стратегия и предпосылка аддикции. Особая комбинация социально-психологических детерминант составляет новизну исследования. Выявленный перечень социально-психологических детерминант имеет веские обоснования, представленные авторами в разделе «результаты исследования». Предусмотрено практическое применение полученных результатов в содействии профилактическим целям: разработка диагностического инструментария для выявления потенциальных адептов экстремистской идеологии и деятельности.

Ключевые слова: справедливость, абьюз, буллинг, кризис идентичности, суррогатное удовлетворение психологических потребностей, фрустрация психологических потребностей, конфессиональное самоопределение, виктимность, экстремизм, экстремистская организация, молодежь.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники финансирования: данная работа не имела источников финансирования.

Для цитирования: Ефремова О. Н., Ростова Н. Н. Социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2022 Т. 3. № 4. С. 35–42.

Статья поступила в редакцию 03.11.22

PSYHOLOGY

Efremova O. N., Rostova N. N.

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF YOUTH INVOLVEMENT IN EXTREMIST ORGANIZATIONS

Abstract

The identification of socio-psychological determinants of youth involvement in extremist organizations meets the preventive goal of preventing involvement and resisting all kinds of agitation of extremist activity.

The research aims to identify and describe the socio-psychological determinants of youth involvement in extremist organizations. The object of the study: youth as a socio-

demographic group. The subject of the study is the socio-psychological determinants of youth involvement in extremist organizations.

The socio-psychological determinants of youth involvement in extremist activities were revealed during the analysis of scientific literature within the framework of the problem field of the study. The results of the study are presented by a number of identified and described socio-psychological de-

For citation: Efremova O. N., Rostova N. N. Socio-psychological determinants of youth involvement in extremist organizations // Bulletin of Social and Humanitarian Sciences. 2022 Vol. 3 No. 4 P. 35–42.

terminants of youth involvement in extremist organizations: an acute sense of justice, justice as the dominant value; experience of abuse (including bullying); the state of frustration of the most relevant psychological needs; state of identity crisis; solution of the issue of confessional self-determination; weak subjective position (prerequisite of victimization); surrogate satisfaction of psychological needs as the main strategy and prerequisite of addiction. A special combination of socio-psychological determinants constitutes the novelty of the study. The revealed list of socio-psychological determinants has strong justifications, presented by the authors in the sec-

tion "research results". The practical application of the results obtained in the promotion of preventive purposes is provided – the development of diagnostic tools to identify potential adherents of extremist ideology and activities.

Keywords: justice, abuse, bullying, identity crisis, surrogate satisfaction of psychological needs, frustration of psychological needs, confessional self-determination, victimization, extremism, extremist organization, youth.

Conflict of Interest: none declared.

Funding: there was no funding for this project.

Введение

Актуальность исследования

Выявление социально-психологических детерминант вовлечения молодежи в экстремистские организации согласуется с профилактической целью предупреждать вовлечение и противостоять всевозможной агитации экстремистской деятельности.

Проблема состоит в том, что молодежь как возрастная группа особенно уязвима в противодействии механизмам вовлечения в экстремистскую деятельность. Основная причина этой уязвимости в том, что происходит активный поиск себя, самоопределение, ролевое экспериментирование, профессиональные пробы, формируется первый опыт личных отношений. Этот молодежный период жизни отличается особыми возрастными задачами и потребностями, переживанием кризиса идентичности. Решение возрастных задач и реализация психологических потребностей в молодежной среде создает предпосылки идеологической атаке экстремистских организаций. Речь не идет о запрете или об ограничении в самореализации молодых людей по причине риска, но целесообразно направление усилий для создания безопасной коммуникативной среды для реализации задач и потребностей молодого поколения.

Исследование имеет практическую значимость в содействии профилактическим целям: предупреждение и противостояние вовлечению молодежи в экстремистские организации и движения.

Цель: выявить и описать социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации.

Объект исследования: молодежь как социально-демографическая группа.

Предмет исследования: социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации.

Методология исследования: неопрецидизм (А. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон), экзистенциализм (Ж.-П. Сартр, Р.Д. Лэнг).

Методы исследования: анализ научной литературы в рамках проблемного поля исследования.

Разработанность проблемы

Анной Фрейд в монографии «Психология Я и защитные механизмы» [12] представлено описание следующих защитных процессов: регрессия, вытеснение, формирование реакции, изоляция, уничтожение, проекция, интроекция, борьба «Я» с самим собой, преобразование, сублимация. Ею был впервые описан защитный механизм «Идентификация с агрессором».

Эрик Эриксон в своей работе «Идентичность. Юность. Кризис» [14] прослеживает индивидуальные жизненные циклы, последовательность поколений и структуру общества. Раскрывает проблему формирования идентичности, кризисы идентичности и ее различные состояния.

В своей работе «Расколотовое Я» Р. Лэнг [7] вводит и раскрывает понятия «онтологической уверенности» и «онтологической неуверенности», представляющие теоретическую ценность для нашего исследования.

Глуховская Д. М. и Юшина С. В. в своем исследовании выделяют характеризуют следующие группы значимых факторов-детерминант, влияющих на формирование у студенческой молодежи радикальных взглядов и экстремистских установок: идеологические, политико-правовые, социально-экономические, миграционные, психолого-педагогические, духовно-нравственные, социально-психологические [5].

Воронин В.Н. называет и раскрывает специально скомбинированные условия для успешной вербовки молодого человека: убеждение, внушение, заражение, подражание, переживание, анализ, групповое давление, мотивации, массовые силы, реализация сцепленных ролей [4].

Результаты исследования

На основании проведенного теоретического анализа источников по проблеме мы заключаем, что мишенью для вербовки, агитации и пропаганды со стороны экстремистских организаций становится целевая аудитория, имеющая следующие характеристики:

- особые ценностные ориентиры (справедливость как доминирующая ценность);

- опыт абьюза (в том числе буллинга);
- слабая субъектная позиция (предпосылка виктимности);
- состояние фрустрации наиболее актуальных психологических потребностей;
- состояние кризиса идентичности;
- решение вопроса конфессионального самоопределения;
- суррогатное (аддиктивное) удовлетворение психологических потребностей как основная стратегия.

Обостренное чувство справедливости (доминирующая ценность)

Справедливость – одна из терминальных ценностей в массовом сознании. Эта ценность – цель, для достижения которой ищут и находят социальные и другие ресурсы.

Справедливость – одна из наиболее полемичных ценностей в толковании ее смысла. Особенно остро воспринимается несправедливость (как ее противоположность) в сфере соблюдения закона и распределения материальных благ.

Обостренное чувство справедливости возникает в ответ на обрушение этой ценности при столкновении с проявлениями в опыте беззакония и экономического дефицита (нищеты).

Степень накала недовольства политическими, социальными процессами, деятельностью власти тем сильнее, чем более распространилась в сознании человека названная ценностная доминанта, справедливость, чем больше она проросла в жизненные сферы.

В профиле потенциального адепта экстремистской деятельности обязательно присутствует субъективное (нередко искаженное) понимание ценности справедливости и способов ее восстановления (торжества). Восстановление справедливости может быть понято как отмщение, как свержение власти, как протестная активность. Именно этот мотив может стать пусковым механизмом вовлечения в деструктивные группы.

Можно наблюдать прямую связь между деструктивной деятельностью (скулуштинг и другие виды) и переживанием несправедливости в отношении действующего лица. Оценка справедливости и несправедливости дается субъективно на основании полученного социального опыта. Если этот социальный опыт был травматичным, нанес весомый материальный или моральный ущерб (унижение), то у потерпевшего находится убедительное основание для отмщения. Обостренное чувство справедливости в ситуации фрустрации потребностей оборачивается жаждой мести. Сопровождающие месть чувства – беспомощность (бессилие) и ярость.

Чаще всего как несправедливое оценивается транслируемое подростку, молодому человеку отношение со стороны конкретного лица или социальной группы. Для

взрослой аудитории проявлением несправедливости оказывается распределение материальных благ (не по заслугам, не по нужде), введение ограничений в правах (например, ограничение введенными условиями карантина), дискриминация по социальным или этническим признакам.

Подробнее рассмотрим несправедливое отношение к подростковой и молодежной аудитории как со стороны взрослых (родители и родственники, педагоги и др.), так и со стороны ровесников (одноклассники, дворовые компании, интернет-партнеры в коммуникации).

Отношение, субъективно оцениваемое подростком или молодым человеком как несправедливое, характеризуется следующим образом: недоверие, унижение и оскорбление, обесценивание, лишение или ограничение в правах и свободе выбора, игнорирование, изгнание из сообщества, отвержение, угрозы, шантаж, манипуляции, различные виды абьюза.

Опыт абьюза (в том числе буллинга)

Абьюз – термин для обозначения различных форм психологического насилия. Психологическая травля (буллинг) – один из видов абьюза, где основным мотивом выступает издевательство, унижение (демонстрация превосходства).

Иными мотивами абьюза в отношениях могут быть: контроль над жертвой, формирование у нее психологической зависимости, управление жертвой посредством закрепления чувства вины и страха (и другие).

Буллинг – систематический психологический террор, избивание, травля одного человека другим. Состояние объекта буллинга – малоценность, ничтожность, беспомощность и потенциальная ярость в адрес агрессора.

Опыт буллинга как составляющая профиля потенциального адепта деструктивной идеологии и деятельности имеет значение в двух направлениях:

- как жертва буллинга с вероятностью отмщения;
- как виктимность, располагающая к тому, чтобы стать не только жертвой травли, но и объектом влияния лидера деструктивной группы.

Мишенью буллинга, в первую очередь, выступает чувство собственного достоинства жертвы, ее самооценочность, удовлетворенность, самоотношение. Буллинг имеет основной целью унижение, обесценивание, доведение своего объекта до состояния беспомощности и крайней уязвимости. Хроническое травмирующее переживание своей малоценности, беспомощности, уязвленности способно вызвать к жизни агрессивный импульс, который может быть направлен на себя самого (селфхарм, суицид) или в социальную среду (отмщение). Желание отомстить направлено на восстановление самооценочности, обретение достоинства и способности постоять за себя.

Переживание собственного бессилия еще более подталкивает уязвленное чувство собственного достоинства, и

потому изгоняется из сферы сознания действием защитных механизмов. Невозможность признать собственное бессилие лишает человека возможности обратиться за помощью. Ярость, сменяющая бессилие, заполняет собой сознание.

Агрессивный импульс рождается как борьба за жизнь и за ее ценность. Такая реакция нормативна, но ее воплощение в действие может нести аутодеструктивный характер или представлять угрозу другим людям. Агрессивный импульс может быть перенаправлен на себя под действием интроецированных моральных установок, запретов, страха осуждения и наказания. Опасность для окружающих обусловлена безадресностью отмщения.

В сознании агрессивный импульс не дифференцирован по объекту воздействия («все вы такие»), обобщен и имеет характер доминанты сознания. Это значит, что идея отмщения заполнила собой сознание, и последующие агрессивные действия могут быть направлены в том числе на людей, которые не были причастны к травле.

Слабая субъектная позиция (предпосылка виктимности) как совокупность психологических характеристик, фиксация в психологической роли жертвы увеличивает вероятность молодого человека стать жертвой преступления, буллинга и других видов насилия, а также объектом манипуляций лидера деструктивной группы.

Состояние виктимности – бессознательное ожидание, желание директивы, управления со стороны другого человека или группы, готовность передать свою субъектную позицию другому, занять место объекта воздействия, влияния. Транслируется готовность к подчинению.

Виктимность коррелирует с экстернальностью и конформностью. Обе характеристики демонстрируют слабую субъектную позицию (человек не чувствует себя хозяином собственных желаний, волевых решений, оценок и отношений) и онтологическую неуверенность.

Следствием такой позиции является выстраивание субъект-объектной системы отношений. Партнеру в таких отношениях делегируется ответственность за удовлетворение психологических потребностей подчиняющегося. Чтобы «заслужить любовь» партнера, выбирают тактику угодничества, пренебрегая границами и иными потребностями.

Виктимность как психологическая характеристика является объектом многих исследований. Кратко представим результаты исследований, проведенных Руденским Е.В., который определяет виктимность как «культурно-психологический дефект личности» и дает следующую дефиницию: «это социально-психологический синдром результативности виктимогенного развития личности, который представлен девятью субсиндромами:

- субсиндром дисадаптоза;
- субсиндром субъектной дисрегуляции;
- субсиндром деактивизма;

- субсиндром дементализма;
- субсиндром деконцептуализма;
- субсиндром фрустрации самосознания;
- субсиндром диффузии идентичности;
- субсиндром диффузии ответственности;
- субсиндром социальной фрустрации» [9].

Позволим себе обобщение на основе приведенных результатов исследования. Руденским Е.В. обозначены те области, в которых человек дефицитарно проявляет себя как субъект. Вместе с тем об этих субсиндромах можно говорить как о сферах уязвимости и подверженности внешнему влиянию: заимствование чужой инициативы, мотивации к деятельности; опора на чужую мировоззренческую систему; определение себя через внешние, заимствованные характеристики, роли, внешние атрибуты; уклонение от личной ответственности; как следствие всего вышеназванного социальная дезадаптация и фрустрация социальных и психологических потребностей.

Состояние фрустрации наиболее актуальных психологических потребностей

Состояние фрустрации актуальных психологических потребностей, их неудовлетворенность и сопутствующее психическое напряжение способны срабатывать как пусковой механизм перехода от намерения к действию. Фрустрация психологических потребностей в векторе внешней направленности действий также выступает источником душевной боли и нервно-психического напряжения, которое может послужить той последней каплей, которая переполняет чашу терпения, и стать пусковым механизмом деструктивного действия по отношению к окружающим.

Хроническая фрустрация сопоставима с психологической травмой, следствия которой двояки: аутодеструктивное поведение или агрессия, направленная на социальное окружение. Фрустрация психологических потребностей вызывает переживание душевной боли и готовность сделать что-то, чтобы ее не чувствовать. В аутодеструктивном векторе таким действием оказывается самоповреждения (selfharm): нанесение мелких порезов на коже, проколы и другие способы причинения физической боли, замещающей душевную. Этот способ действует кратковременно, психическая (душевная) боль вновь возвращается в сознание, поскольку потребности все еще фрустрированы, и вновь совершаются аутодеструктивные действия. Наибольший риск среди предпринимаемых попыток заглушить переживание душевной боли представляет самостоятельный бесконтрольный прием медикаментов: успокаивающих, снотворных, гипотензивных и прочих, способных привести к летальному исходу.

Хронически переживаемая фрустрация может проявить себя в действии в ответ на угрозу особо значимой и уязвимой области. Подросток, молодой человек, может

долго терпеть унижение в свой адрес, но в адрес родителей, объекта веры, любимого человека или своего животного не допустит издевательства и перейдет к действиям. Речь идет о фрустрации потребности в переживании собственной ценности и достоинства, а также о потребности сохранять собственные ценности и приверженность им. Потребность сохранять ценности и приверженность им может оказаться более актуальной и значимой, потому имеющей потенциал защитного действия.

Психическое напряжение тем сильнее, чем больше потребностей остаются без удовлетворения. Тотальная фрустрация психологических потребностей представляет самостоятельный критерий для включения в группу риска совершения деструктивных или аутодеструктивных действий.

Рассмотрим более подробно наиболее актуальные и чаще фрустрированные потребности. Они представлены в порядке убывающей частотности в проведенном ранее исследовании. Считаем целесообразным дать характеристику состоянию фрустрации конкретных потребностей (как переживается лишение и дефицит).

Быть понятым и услышанным: дефицит удовлетворения переживается как игнорирование собственной субъектности, малоценность сказанного и говорящего. Трансляция отношения обесценивания, отвержения.

Быть независимым: дефицит удовлетворения переживается как недоверие, принижение способностей и психологической зрелости, признание инфантильным, беспомощным, зависимым, слабым, неполноценным.

Быть нужным, полезным: дефицит удовлетворения переживается как ничтожность, некомпетентность, неполноценность, отвержение, недоверие.

Быть любимым, значимым: дефицит удовлетворения переживается как никчемность, ничтожность, ненужность, неприкаянность, бездомность, одиночество, отвержение.

Быть частью группы, коллектива, сообщества: дефицит удовлетворения переживается как неполноценность, малоценность, отверженность, бездомность, одиночество, недоверие.

Быть особенным, отличаться: дефицит удовлетворения переживается как лишение части себя, нарушение своей психической целостности и единства, подавление инициативы, малоценность, беспочвенность, безосновность, неустойчивость, диффузия идентичности.

Быть лучшим, первым, лидером: дефицит удовлетворения переживается как недоверие, некомпетентность, утрата собственных инициатив, принижение способностей и психологической зрелости, признание инфантильным, безответственным, неполноценным.

Быть признанным, уважаемым: дефицит удовлетворения переживается как обесценивание, ничтожность, отвержение, недоверие, неполноценность.

Фактор фрустрации психологических потребностей в сочетании с любым другим из представленных дает основание для включения в группу риска с высокой вероятностью совершения деструктивных или аутодеструктивных действий.

Состояние кризиса идентичности

Прохождение кризиса идентичности в подростковом/юношеском возрасте имеет особенности, которые выступают предпосылками вовлеченности молодежи в деятельность экстремистских организаций. В состоянии кризиса идентичности, особой психодинамики, отмечается повышенный риск девиаций формирующейся идентичности под влиянием деструктивных социальных факторов.

Ряд специфических симптомов подросткового/юношеского кризиса идентичности возраста был предложен Э. Эриксоном [14]. Рассмотрим подробнее каждый из симптомов.

Размытое чувство времени, в форме **утраты временной перспективы** – особенности восприятия временного континуума, которые влияют на процессы целеполагания, проецирования себя в будущее, оценку себя в настоящем, осмысление своего опыта. Требующим внимания симптомом является отказ или невозможность проецировать (представить) себя в будущем собственной жизни: «не вижу себя в будущем». За этим ответом могут быть скрыты следующие варианты значений: не видит себе места в жизни («мне нет места среди вас»); нет образа себя будущего; не будет будущего у его жизни (нигилистическая оценка или суицидальная тенденция) и другие. Все возможные значения требуют внимания и проверки при личном общении с подростком/юношей.

Относительная, частичная **утрата продуктивности** – снижение количественных и качественных показателей по основным видам деятельности подростка/юноши: учебная (утрата прежнего интереса к учебным дисциплинам, снижение отметочных баллов, отказ от посещения занятий), досуговая (отказ от любых видов хобби и увлечений, резкая смена увлечений, снижение интереса к прежним хобби), коммуникативная (возникновение возможных конфликтов, непонимание, игнорирование, отвержение и др.).

Уход от близких отношений, стремление к одиночеству, изоляции, стремление остаться наедине со своими чувствами и переживаниями наиболее вероятны при дефиците внимания, доверия и также при сопутствующем обесценивании подростковых/юношеских переживаний («перебесится», «с кем не бывает», «золотая слеза не выкатится», «нам еще труднее было» и т.п.). Неудовлетворяющее качество реальных отношений подростка/юноши с близким окружением становится основной причиной для построения отношений виртуальных. Виртуальный мир отношений представляет реальную опасность для фор-

мирующей идентичности. Анонимность, отсутствие какой-либо ответственности и обязательств, подмена реальных целей общения декларируемыми, скрытый контент – это не исчерпывающий список угрожающих факторов.

Формирование негативной идентичности – следствие действий нескольких факторов и механизмов. Негативной идентичность может сформироваться в отсутствии субъектной инициативы самого подростка\юноши, будучи предоставлена действию деструктивных социальных информационных влияний как стихийно возмущающих, так и направленных лидером (экстремистской группы, лидером культа, куратором сетевых враждебно настроенных сообществ и т.п.).

В контексте описания рисков формирующейся идентичности важно обратить внимание на механизмы (способы) ее обретения. В классификации Э. Эриксона представлены 3 основных механизма: **интроекция** – это включение внешнего вовнутрь. Интроецируемое содержание минует критическое осмысление и включается в формирующуюся идентичность целым, не переработанным блоком. Интроекция «полезных», «положительных» содержаний также минует барьер критической оценки и занимает какое-то место в идентичности, например, определяет место женщины\мужчины в семье, ее роль и обязанности. Такая роль может стать своего рода «тюремной» и отнять имеющуюся свободу, действуя исподволь, бессознательно. Любому ребенку, подростку\юноше (и люди старше) не могут обойтись без этого способа, так сама по себе интроекция нормативна. Но заимствованное требует последующего критического осмысления и отбора содержания, которое станет частью идентичности. Проблема формирующейся идентичности в неисполнении надлежащего этапа критического осмысления, его игнорирования и, как следствие, в самоограничении, в слепом следовании чужим образцам.

Идентификация – также нормативный механизм, в основе которого лежит подражание, моделирование ролевого поведения значимых фигур. Это способ усваивать человеческий опыт, передаваемый из поколения в поколение, также требующий осознанного выбора и включения в свой ролевой репертуар. Угрозу идентичности может представлять особый ролевой репертуар персонажей, транслирующих враждебные установки и антиобщественные ценности. Особенно следует отметить **идентификацию с агрессором** (описана А. Фрейд) как защитную реакцию на угрозу. Может проявляться ситуативно (в ответ на угрозу, опасность) или стать присвоенной частью, как постоянная защитная позиция. Идентификация с агрессором дает переживание власти и могущества, заимствованных у несущего угрозу. Это отождествление с агрессором позволяет сменить роль жертвы на роль нападающего (насилника, убийцы, буллера и др.). Опасность

такой идентификации очевидна: из бывших жертв происходит переход в еще более жестоких преследователей.

Механизм ролевого экспериментирования – примерка различных социальных статусов и ролей с последующей возможной их ассимиляцией.

Названные симптомы кризиса идентичности рассматриваются и представлены нами как социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации, как точки уязвимости подростка\юноши, которые становятся мишенью для манипуляций его сознанием.

Формирующаяся идентичность нуждается в поддержке, направлении и мировоззренческой опоре.

Решение вопроса конфессионального самоопределения

«У человека в душе дыра размером с Бога, и каждый заполняет её как может», пишет Жан-Поль Сартр [10]. Интуитивная потребность в подлинной коммуникации и в обретении подлинной веры как диалога с живым Богом открывает поиск конфессионального самоопределения и тем самым открывает ворота для возможных манипуляций формирующимся самосознанием. Среди традиционных альтернатив выбора могут оказаться всевозможные культы и секты, представляющие опасность для формирующегося самосознания. Проблему составляет риск суррогатного замещения потребности в системе ориентаций (мировоззренческий фундамент), потребности в подлинной коммуникации, потребности пребывания в живом диалоге с Богом, в самопознании. Этим замещающим содержанием может оказаться чья-то персональная «доктрина», искажающая и цели, и средства на пути конфессионального самоопределения. Острота потребности адепта и фанатичное насаждение своего культа вдохновителем могут создать ярого последователя и защитника «нового учения».

В данном контексте необходимо отметить предельную степень фрустрации потребности в подлинной коммуникации с людьми, реализация которой наполняет и содействует формированию онтологической уверенности (психологической устойчивости в бытии и в противостоянии небытию – Р. Лэнг, П. Тиллих). Подлинная (экзистенциальная) коммуникация с людьми реализует такие психологические потребности, как: самоутверждение в бытии с другим, понимание и принятие, признание существующим и самоценным. Острый дефицит такой коммуникации подрывает в человеке (любого возраста) его укорененность в бытии, препятствует обретению внутренней интеграции и целостности.

Онтологическая неуверенность человека направляет его конфессиональный поиск к тем альтернативам, которые предлагают жесткую ортодоксальную систему или учение с требованием фанатичного следования всем пунктам и несомненной преданности основателю. Ре-

лигиозные мировоззренческие конструкции выполняют роль единственной стабильной опоры, но опоры внешней, заимствованной. Пока внешняя система ценностей и убеждений не будет осмыслена и принята как результат осознанных актов выбора, она не закроет собой имеющийся дефицит. Нуждающийся в мировоззренческой опоре так и останется нуждающимся, но иллюзорной опорой его идентичности и мировоззренческого фундамента будут выступать чужие рамки религиозного культа. Любое противостояние во взглядах, убеждениях, ценностях всякий раз будет обнаруживать собственную неуверенность и уязвимость адепта, угрожая его хрупкой иллюзорной заимствованной идентичности и вызывая враждебные чувства. Такова природа религиозного фанатизма, который может быть вызван необходимостью убедить других и себя самого в собственной вере через слепое яростное следование внешним формам культа.

Суррогатное удовлетворение психологических потребностей как основная стратегия и предпосылка аддикции

Предпосылкой аддикции выступает особое состояние самости молодого человека. Такое состояние можно характеризовать как дефицитарное, «голодное». Такое состояние самости находит выражение в суррогатном удовлетворении психологических потребностей, в построении симбиотических отношений, конформизме, в подражании и некритичном заимствовании оценок, мнений, впечатлений, решений. Неосознанное подражание и заимствование (интроекты) не могут дать содержания, которым бы могла быть наполнена самость (как личностный архетип). Условием такого заполнения и вместе с тем обретения онтологической уверенности является непрестанное душевное усилие: осознанные творческие акты решений, назначения оценок и смыслов, осознанные этические акты и акты отношения. Предпосылкой аддикции является также слабая (недостаточная) дифференциация себя как субъекта среди других. Такое состояние не располагает к открытости и риску, характерных условий подлинной коммуникации с людьми. Потенциальный аддикт оказывается не готовым инициировать подлинную (экзистенциальную) коммуникацию, без опыта которой его самость не восполнит имеющегося дефицита содержания.

Выводы

Причинами уязвимости молодого поколения перед влиянием экстремистской идеологии и деятельности во многом являются психические свойства, процессы и состояния, характерные для данного возраста: неизбежная задача самоопределения, только формирующиеся коммуникативные компетенции, приоритет авторитетного (блогер, политик, общественный деятель и т.п.) мнения перед собственным, заметная определяющая сила ценностных интроектов (ценности не переосмыслены самостоятельно).

Цель исследования реализована. Выявленные социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации включают в свой ряд как некоторые возрастные предпосылки, так и характеристики, не связанные с возрастом (социальный опыт и условия жизни, особенности социализации, роль травмирующих событий, личностные психологические предпосылки). Каждой из названных причин дано обоснование.

При разработке программ мониторинга изучения деструктивных явлений выявленные социально-психологические детерминанты вовлечения молодежи в экстремистские организации могут выступать в качестве начальных диагностических критериев:

Обостренное чувство справедливости (доминирующая ценность)

Опыт буллинга, абьюза, насилия

Состояние фрустрации наиболее актуальных психологических потребностей

Состояние кризиса идентичности

Решение вопроса конфессионального самоопределения

Слабая субъектная позиция (предпосылка виктимности);

Суррогатное удовлетворение психологических потребностей как основная стратегия и предпосылка аддикции

При дальнейшей более детальной разработке темы на основе полученных результатов может быть составлен уточненный профиль потенциального адепта экстремистской организации.

Источники и литература / Sources and references

1. Бердяев Н.А. О фанатизме, ортодоксии и истине // Человек. № 3. 1997. С.67–75
2. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 315 с.
3. Вершинин М.В. Психологические особенности личности членов деструктивных и террористических групп. Доступно по: www.psyfactor.org. Ссылка активна на 30.10.2022.
4. Воронин В. Н. Социально-психологические механизмы формирования организационной культуры: монография. М. МПУ «Сигнал». 1999. 327 с.
5. Глуховская Д.М., Юшина С.В. Факторы-детерминанты вовлечения студенческой молодежи в ряды экстремистско-террористических организаций. Доступно по: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-determinanty-privlecheniya-studencheskoy-molodezhi-v-ryady-ekstremistsko-terroristicheskikh-organizatsiy>. Ссылка активна на 30.10.2022.
6. Ефремова О.Н., Ковалёва Г.П. Религиозный фанатизм как предпосылка экстремизма // Вестник общественных и гуманитарных наук. № 2. Т. 1. 2020. С. 37–40.
7. Лэнг Р. Расколотое Я. СПб.: Белый кролик, 1995. 352 с.
8. Рахмонов А.С. Внешние и внутренние факторы вовлечения молодежи в ряды террористических организаций // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 1–7.

9. Руденский Е. В. Субъектная виктимность личности подростка как уязвимость жизнеспособности // Смальта. № 3. 2020. С. 32–40.
10. Сартр Ж.-П. Дьявол и Господь Бог. М.: АСТ, 2021. 640 с.
11. Сумина Е.А., Рыков А.А. Социально-психологические механизмы вовлечения молодежи в террористическую и экстремистскую деятельность // Академическая мысль. 2019. №2 (7). С. 101–105.
12. Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы. М. Педагогика-Пресс, 1993. 144 с.
13. Хоружий С.С. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М. Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с.
14. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.

Информация об авторах:

Ефремова Ольга Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. E-mail: Petrola7877@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8494-4102

Вклад в статью: результаты исследования и выводы.

Ростова Наталья Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации. E-mail: naniros11@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4304-7557

Вклад в статью: теоретический анализ источников, составляющих методологию исследования, критический анализ и утверждение окончательной версии статьи.

Authors information:

Efremova Olga Nikolaevna, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University. E-mail: Petrola7877@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8494-4102

Contribution: collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.

Rostova Natalya Nikolaevna, Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Kemerovo State Medical University. E-mail: naniros11@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4304-7557

Contribution: conceived and designed the study; collected and interpreted the data; performed literature search and analysis; wrote the manuscript.